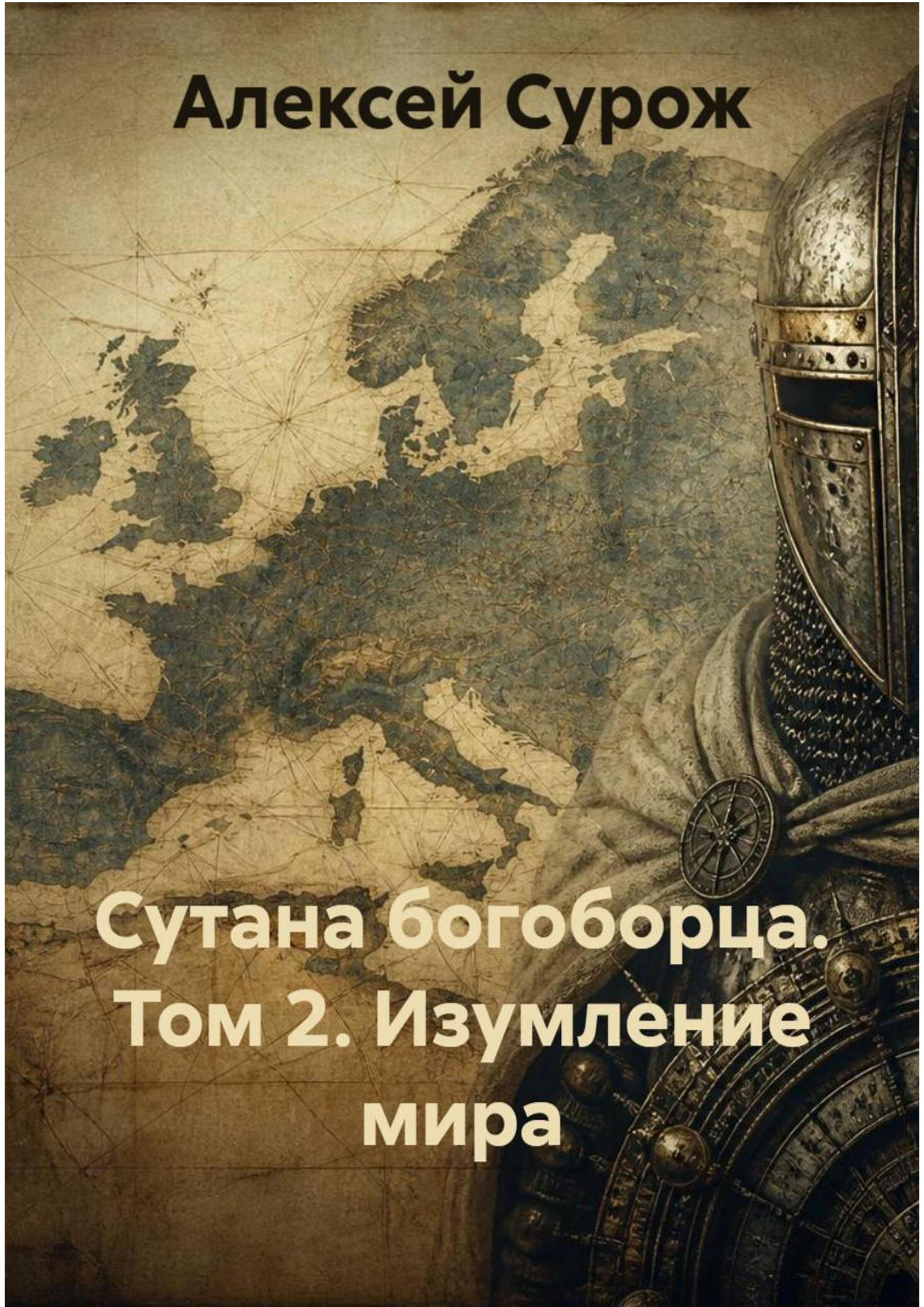

The background of the book cover is a composite image. On the left, there is a historical map of Europe, rendered in a faded, aged style with a grid of latitude and longitude lines. On the right, there is a detailed illustration of a knight's armor, including a helmet with a visor and a chainmail collar. The overall color palette is muted, with earthy tones of brown, tan, and blue.

Алексей Сурож

**Сутана богоборца.
Том 2. Изумление
мира**

Сутана богоборца

Алексей Сурож

**Сутана богоборца. Том
2. Изумление мира**

«Автор»

2026

Сурож А.

Сутана богоборца. Том 2. Изумление мира / А. Сурож — «Автор», 2026 — (Сутана богоборца)

Крушение Константинополя в 1204 само по себе достойно отдельной книги, но оно породило целую череду удивительных событий, навсегда изменивших политическую и финансовую карту Европы. Грандиозная спецоперация Латерана и венецианских банкиров по ликвидации великой империи и первому масштабному отъему активов руками рыцарей-должников запустила безжалостный механизм. Теперь, в XIII веке, европейские короли ведут отчаянную борьбу против тотального диктата Папы Римского, пытаюсь вырваться из долговой ловушки, в которую их загнал Святой Престол. Императора Священной Римской империи Фридриха II Гогенштауфена современники звали *Stupor Mundi* — «Изумление мира». Выстраивая жесткую светскую вертикаль на основе точного расчета, он бросает вызов наднациональному контролю курии. Главной загадкой в его противостоянии с Римом становится Пятый крестовый поход. Почему колоссальная христианская армия, застрявшая под стенами египетского Каира, внезапно оказалась обречена на поражение?

© Сурож А., 2026

© Автор, 2026

Алексей Сурож
Сутана богоборца. Том 2. Изумление мира

Глава 1

*«Война — дело не столько оружия,
сколько издержек, под влиянием
которых оружие только и становится
полезным».*

-Фукидид, греческий историк

Пролог. Бочка для императора

Душная, влажная ночь распласталась над Золотым Рогом. В воздухе Константинополя — дряхлеющего, но всё ещё ослепительного сердца Ойкумены — густо пахло горькой морской солью, йодистыми водорослями, дорогими церковными благовониями и дёгтем латинских кварталов.

Сквозь эту плотную пелену пробивался тягучий плеск волн о старые сваи причалов и приглушённый, монотонный гул портовых таверн. На тёмной глади залива, чёрной и гладкой, как базальт, лениво покачивались силуэты гегуэзских галер. Изредка ночную тишину прорезал одинокий протяжный крик ночной птицы или эхо далёкого окрика стражи со стен Влахернского дворца. В густом полумраке, едва рассеиваемом редкими факелами у причалов, глянцево блестела вода, отражая редкие, дрожащие огни Галаты.

Этот величайший город христианского мира, обнесённый тройным кольцом феодосиевых стен, изнутри уже подтачивала гниль: императоры ромеев ослепляли друг друга ради трона, чиновники погрязли во взятках, а латинские купцы давно прибрали к рукам всю торговлю великой империи. На той стороне залива, в Галате, глухо переругивались пизанские шкиперы, но здесь, у глухих загородных стен у Мраморного моря, стояла мёртвая, нездоровая тишина.

Пьетро Паскуале сидел на перевёрнутой ивовой корзине под навесом заброшенной рыбацкой хижины. Тёмный франкский плащ скрывал мелкую дамасскую кольчугу. Его пальцы — длинные, сухие, привыкшие держать не тяжёлый меч, а тростниковый калам нотариуса или вёсла лёгкой венецианской барки — медленно покручивали на ладони тяжёлую золотую номисму. Финальная стадия тайной операции по похищению из-под домашнего ареста молодого византийского царевича была просчитана им до мгновения.

Из темноты оливковой рощи бесшумно соткался евнух-воспитатель. Его шёлковые придворные одежды были испачканы прибрежной глиной, а пухлое, лишённое волос лицо блестело от пота.

— Всё кончено, латинянин, — просипел грек, судорожно оглядываясь. — Они спят. Мандрагора в хиосском вине — надёжное средство. Оставшиеся двое... твои люди управились без крика.

— Мешки набили известняком? — тихо, почти безмятежно спросил Пьетро, даже не повернув головы.

— Да, да... Экскуиторы уже на дне. Их никто не хватится до полудня. Басилевс Алексей III уверен, что племянник просто молится в загородной капелле.

Пьетро поднялся; движения его были плавными, почти кошачьими, лишёнными рыцарской угловатости. Он протянул евнуху свёрнутый кусок плотного пергамента, скреплённый тяжёлой свинцовой буллой Республики Святого Марка.

— На причале тебя ждёт лёгкая скампавея до Равенны, мастер. Уходи. Венеция всегда платит за хорошую работу. Но если ты заговоришь до того, как перевалишь за Апеннины, у Совета сорока найдутся люди и в Апулии.

Евнух схватил пергамент, коротко поклонился и растворился во тьме, ведя за собой бледную, трясущуюся тень.

Восемнадцатилетний царевич Алексей IV Ангел, законный порфирородный наследник империи ромеев, стоял у кромки воды, обхватив плечи руками. Его колотил мелкий, неудержимый озноб. Пьетро подошёл ближе, грубо, без всякого пиетета к имперской крови оглядывая юношу. Слишком тонкая кожа, слишком мягкие ладони. Хрупкий инструмент для великой перековки Ойкумены.

— Снимите это, Ваше Величество, — Пьетро кивнул на его тонкую шёлковую тунику с золотым шитьём.

— Что?.. Ты смеешь приказывать мне, латинянин? — в голосе принца прорезалась капризная властность Влахернского дворца. — Мой отец — император! Я...

Пьетро не стал спорить. Он просто протянул руку, ухватил ворот туники и с сухим треском рванул ткань вниз до самого подола. Царевич вскрикнул, но венецианский матрос уже перехватил его сзади за локти. Пьетро сломал спесь изнеженного принца одним движением. К ногам Алексея полетела засаленная, пахнувшая ворванью холщовая рубаха пизанского портового грузчика и тяжёлые поршни из сыромятной кожи.

— Переодевайтесь, принц. Из Царьграда ещё никто не уезжал в пурпуре, если его дядя сидит на троне. Стриги его, Марко.

Короткий пизанский нож скользнул по волосам. Роскошные, ухоженные византийские локоны царевича посыпались в прибрежную грязь. Алексей беззвучно плакал, кусая губы до крови, пока его голова обретала грубый, угловатый вид латинского матроса.

Пизанский неф «Святая Радегунда» тяжело переваливался на мелкой волне у таможенного поста близ мыса Святого Димитрия. Выход из Золотого Рога был заперт огромной железной цепью, кованые звенья которой лежали на деревянных плотках, перегораживая пролив. На берегах высились мрачные башни, стерегущие покой угасающего сердца Ойкумены, но даже их грозный вид не мог скрыть запустения империи. Чтобы пройти строгий досмотр коммерциариев, требовалось предъявить грамоту и получить восковую печать таможенников.

В трюме нефа стоял удушливый, кислый смрад. Пьетро Паскуале лично проверял массивную дубовую бочку с клеймом пизанского цеха винокуров. Именно туда, пользуясь двойным дном, упрятали византийского наследника.

— Дыши ровно, мальчик, — негромко проговорил Пьетро в узкую щель между сосновыми клёпками крышки. — Заклёпки подогнаны с зазором, воздух идёт через пазы под верхним обручем. Главное — не шевелись, когда они начнут проверять груз.

Над головой царевича, в верхнем, изолированном отсеке бочки, плескалось настоящее, прокисшее хиосское вино. Если бы греческая стража вскрыла втулку сверху — оттуда на них хлынул густой, тяжёлый запах напитка. Сам порфиородный принц сидел в нижнем сухом ящике, скрючившись в три погибели, упираясь коленями в собственный подбородок и задыхаясь от винных испарений.

На палубе застучали тяжёлые подкованные сапоги. Византийский чиновник в высокой шапке, сопровождаемый пятью вооружёнными стражниками-экскувитами, спустился в трюм.

— Что везём, пизанцы? — брезгливо спросил грек, разворачивая пергаментную грамоту. На палубе трюма чадили масляные фонари, выхватывая из темноты сотни одинаковых винных бочек.

— Вино, господин, кислый хиосский сбор для портов Анконы, — Пьетро Паскуале выступил вперёд из тени шпангоута. Демонстрируя идеальное знание византийской бюрократии, он держался подобострастно, чуть согнув спину — образцовый суперкарго, мелкий торговый представитель лагуны. — Убытки сплошные... Налог на ввоз в этом году задушил цех. Помилосердствуйте, честный господин эпарх.

Чиновник сухо хмыкнул, проверяя список. В этот момент один из стражников, скучая, подошёл к ряду бочек. В руке у него был тяжёлый железный щуп-багор. Он лениво стукнул обухом по дереву.

Гум... гум... — отозвалась первая бочка.

Шаг. Ещё шаг. Стражник приближался к той самой бочке, находясь в одном волоске от тайника. Сердце Алексея в темноте его деревянной тюрьмы колотилось так сильно, что ему казалось — этот стук слышен снаружи сквозь дубовые стенки.

Гум... — обух топора опустился на соседнюю бадью.

Пьетро Паскуале хладнокровно взял удар на себя. Его пальцы мягко скользнули за пазуху франкского плаща. Он развернул плотную грамоту и, делая глубокий поклон, протянул её чиновнику. Между пергаментными листами ровной золотой стопкой блестели тяжёлые, чеканные номисмы с ликом старого императора Исаака — взятка, которую венецианцы берегли именно для таких минут.

— Вот здесь... все пометки о портовых сборах, господин, — тихо, вкрадчиво произнёс Пьетро, заглядывая в глаза чиновнику. — Венецианский нотариус всё проверил. Всё чисто. И небольшая добавка... для вашего ведомства...

Византиец бросил быстрый, наметанный взгляд на золото. Его пальцы соскользнули по пергаменту, мгновенно и беззвучно убирая монеты в широкий рукав кафтана.

— Порядок, — сухо произнёс чиновник, отворачиваясь от трюмного люка. — Эй, Теодор, оставь бочки. Пизанцы везут кислятину, ставь печать на грамоту.

Стражник опустил багор, сплюнул на палубу и пошёл вслед за начальником к трапу. Таможенники дали добро. Через полчаса на палубе «Святой Радегунды» раздался тяжёлый, железный скрежет — венецианские галеры на входе в пролив подтянули цепь, освобождая фарватер. Корабль поймал ровный ночной ветер Пропонтиды и вышел в открытое Мраморное море.

Борт нефа скрипел, уходя всё дальше в открытую, тёмную воду. Огни Константинополя окончательно растворились за кормой.

Пьетро Паскуале спустился в трюм, держа в руке короткий железный лом. Он вогнал остриё между клёпками верхней крышки, надавил всем весом, и сосновый щит с треском подался вверх. Пьетро выломал крышку, и винный осадок выплеснулся на настил палубы. Из тёмного, душного нутра бочки, кашляя, задыхаясь и глотая солёный воздух, выбрался царевич Алексей IV. Измученный, пахнущий кислятиной, он лишился остатков императорского величия. Холщовая рубаша была мокрой, лицо вымазано винной гущей, руки и ноги дрожали так, что он не мог подняться с колен.

Пьетро сел на корточки перед будущим императором ромеев. Венецианец зачерпнул полную оловянную кружку чистой пресной воды из походного бочонка и протянул её юноше. Алексей жадно припал к воде, проливая капли на грудь.

— Кто ты?.. — просипел царевич, вытирая рот грязным рукавом. — На кого ты работаешь? Филипп Швабский не мог прислать такого... такого мясника.

Пьетро едва заметно усмехнулся, поднимаясь во весь рост. Его взгляд снова стал холодным и расчётливым — взглядом купца, который только что вывез из чужой лавки самый дорогой товар в христианском мире. Венецианец цинично принялся объяснять принцу, что спасение — это не акт благородства, а точный геополитический и финансовый расчёт Республики, и отныне беглец больше себе не принадлежит.

— Считайте, что я — рука судьбы, которая вытащила вас из петли, Ваше Величество, — ровным, пугающе тихим голосом ответил венецианец, забирая пустую кружку. — И эта рука очень дорого стоит вашим немецким родственникам. Добро пожаловать в Европу. Умойтесь, переоденьтесь в сухое и попробуйте поспать. Скоро Италия.

Пьетро развернулся и пошёл к деревянной лестнице, ведущей наверх, на свежий воздух. У самой нижней ступени он остановился, не оборачиваясь, и сухо добавил:

— И привыкайте к запаху железа и долгов, принц. Теперь вы принадлежите тем, кто идёт за вами. А Республика не любит, когда ей возвращают меньше, чем было обещано. Всё уже посчитано.

Он поднялся по трапу, с грохотом захлопнув за собой тяжёлый деревянный люк, оставив будущего василевса в сырой темноте трюма — наедине со скрежетом пизанского нефа и первыми шагами к великой катастрофе христианского мира.

Часть 1. Сметы расколотого мира

За высокими, узкими окнами Латеранского дворца догорал сухой римский закат, окрашивая багрянцем каменистые холмы. В личной канцелярии камерария Апостольской Палаты стояла та звенящая тишина, которая бывает только в местах, где вершится настоящая, безмолвная история. Здесь не звенели мечи и не трубили боевые рога — слышен был лишь монотонный, сухой шорох пергаментов.

Люциус де ла Дотта сидел за массивным дубовым столом, заваленным свитками, приходными книгами и запечатанными сургучом цеховыми кондуитами. Его тонкие, бледные пальцы — пальцы человека строгой, почти монастырской дисциплины — замерли над испи-санным убористой латынью листом. Люциус обладал ледяной, расчётливой уверенностью. Он был одержим идеей преодоления земного раскола и хаоса Ойкумены. Великая империя ромеев дряхла, погрязнув в заговорах, а христианский мир задыхался от междоусобиц. Люциус видел свой священный долг в том, чтобы навести порядок навсегда, создав кристально чистую, полностью управляемую из Рима финансовую систему. Христу нужен один земной престол, один Папа и один Император.

Камерарий бегло просматривал отчёты, видя за сухими цифрами золото, налоги и движение серебра, но понимал, что это лишь часть картины — весь истинный баланс человеческих мотивов, скрытых богатств и долгов видел только Бог. В его голове уже зрел хитрый, много-ходовый план, ради реализации которого он был готов пойти на любые издержки. Ослабление Константинополя, крах системы династических браков и кровопролитные войны казались ему лишь допустимой, математически оправданной жертвой ради высшего блага.

Дверь скрипнула. В канцелярию беззвучно вошёл нотариус-скриниарий Бруно де ла Фонте, только что вернувшийся из долгой и опасной миссии. Его дорожный плащ был покрыт серой пылью итальянских трактов, но звериная реакция и цепкий взгляд выдавали профессионального лазутчика, способного выживать там, где обычный человек ломал шею. Бруно молча положил на стол тяжёлую кожаную сумку, набитую пергамен-тами.

Люциус отложил перо и посмотрел на пришедшего. Голос камерария прозвучал ровно, без малейших интонаций:

— Цель пилигримов неизменна?

— Официально — да, господин камерарий, — Бруно устало опустился на деревянную скамью, бережно расправляя на коленях свитки, собранные через сеть лангедокских и ломбардских осведомителей. — Весь Юг и северные графства бредят только Египтом. В Каире и портах Александрии они видят ключ к Иерусалиму. Но дож Дандоло объявил Венецию единственной точкой сбора для всего воинства. Пилигримы обязаны явиться в лагуну, чтобы сесть на корабли Республики.

Люциус едва заметно кивнул, переводя взгляд на фискальные ведомости Апостольской Палаты.

— И как продвигается сбор на это святое предприятие? Рим должен зафиксировать каждый денарий.

— Фискальные рычаги Святого Престола работают без сбоев, — Бруно указал на раскрытый манифест. — С тех, кто принял крест и пошёл, мы исправно берём сороковую часть всего имущества. Они закладывают земли, отдают под проценты фамильное железо, лишь бы добыть серебро. С тех, кто откупился и остался дома — монастырей, баронов и епископств, — Патриарший престол принудительно взимает тридцатую часть доходов за три года под угрозой полного интердикта. Деньги текут в Латеран рекой. Но есть третья фракция, господин камерарий.

— Провансальцы и бургундцы? — Люциус поднял калам.

— Они самые, — Бруно нахмурился. — Они изменили маршрут. Они наотрез отказались плыть на венецианских лодках и нанимают генуэзские нефы или садятся на корабли в Марселе. Мы, разумеется, облагаем их карательной пошлиной за нарушение единого соглашения, но это серебро осядет в нашей казне, а не в Венеции. А старый дож Энрико Дандоло выставил баронам жёсткий, монолитный счёт за фрахт огромного флота — восемьдесят пять тысяч марок серебром.

Камерарий замер, держа калам над пергаментом. В его глазах отразился холодный блеск купеческого расчёта.

— Сумма фрахта была рассчитана Дандоло на всё латинское войско, — тихо, пугающе спокойно произнёс Люциус. — Каждый барон, сменивший маршрут, забирает своё золото с собой и фактически перекладывает бремя неоплаченного фрахта на тех, кто честно идёт в Венецию. Когда армия де ла Тура и шампанцев прибудет на остров Лидо, они поймут, что им нечем покрыть долю отступников. Они окажутся в капкане, Бруно. В глухом, голодном венецианском капкане, и у них начнутся смертельные проблемы с оплатой фрахта.

Люциус де ла Дотта бегло проглядел пергаменты, принесённые Бруно, придвинул к себе чистый лист плотной бумаги и начал быстро, размашисто писать. Скрип калама разрывал тишину канцелярии несколько минут. Дописав, камерарий сложил лист, залил края тяжёлым тёмно-красным воском и припечатал личной свинцовой буллой Апостольской Палаты.

Он протянул запечатанное послание Бруно. Взгляд Люциуса был ледяным.

— Отдай это письмо Дожу срочно. Пусть Венеция знает, что Рим видит каждую монету. И пусть помнит: тот, кто управляет долгом, управляет короной.

Бруно склонил голову, принимая свиток. Его пальцы на мгновение задержались на восковой печати.

— А если дож спросит, откуда у Рима такие точные цифры, господин?

Люциус чуть приподнял бровь — единственная эмоция, которую он себе позволил.

— Скажи ему, что Святой Престол не нуждается в объяснениях. Ему достаточно знать, что мы считаем быстрее, чем он тратит.

Нотариус молча поклонился, повернулся и вышел, оставив камерария наедине с цифрами, которые уже начали диктовать судьбы королевств. Люциус вернулся к приходным книгам, водя тонким ногтем по колонкам цифр. Для него эти столбцы были не просто записями — это были нити, за которые можно было дёргать, чтобы обрушить целые империи.

Часть 2. Обеты и долги

Цветущие весенние равнины Шампани тонули в колышущемся мареве майского тепла. В воздухе, густом от запаха молодой травы и дикой горчицы, плыл ровный, тяжёлый гул: скрежетали кованые ободья колёс, глухо стучали копыта походных коней и тяжело вздыхали волы, тащившие гружённые железом повозки. По грунтовой дороге, выходящей на юг в сторону суверенной Венецианской республики, двигался отряд барона Гийома де ла Тура.

Французский командир, прославленный рыцарь и честный воин, ехал во главе колонны, покачиваясь в высоком седле. Его фамильный щит с геральдическим леопардом был бережно укрыт чехлом от дорожной пыли, а на груди поверх набивного акетона белел свежепришитый суконный крест. Барон был искренним, фанатичным сторонником Церкви, и этот поход казался ему вершиной его рыцарского служения.

Рядом с ним на сытом иноходце размеренно двигался учёный монах Бенедикт, выполнявший роль духовного наставника отряда. Чуть позади, держа в руке поводья запасного боевого дестриэ барона, ехал шестнадцатилетний оруженосец Райнхард. Для юноши этот поход был первым в жизни, и его пытливый, цепкий взгляд то и дело задерживался то на безупречном строе кнехтов, то на угрюмых лицах крестьян в придорожных деревнях, провожавших воинство Христова взглядами, в которых не было ни восторга, ни благословения.

Барон и клирик увлечённо обсуждали хрупкость мира между европейскими коронами и Папским престолом, переходя от французских дел к недавним буллам Рима.

— Ойкумена погрязла в грехе гордыни, — звучно произнёс Гийом де ла Тур, поправляя кожаную перчатку. — Короли грызутся за пограничные фьефы, забыв о долге перед Небом. Эта Священная война призвана очистить христианский мир, переплавить нашу гордыню в смирение и объединить всю землю под единым, непреложным Божиим законом в Египте и Леванте.

В разговор, улучив минуту, вмешался Райнхард. Пользуясь древним правом оруженосца говорить с господином на марше и проявляя юношескую дерзость, он направил коня чуть ближе к барону.

— Господин барон, — негромко, но отчётливо произнёс юноша, и его голос заставил Бенедикта обернуться. — Если это дело столь важное и богоугодное, отчего же Священный Император сам не ведёт воинов вперёд? Отчего германские князья и короли франков сидят в своих замках, отправляя за море лишь вас?

Гийом де ла Тур удивлённо приподнял густые брови, но ответить не успел, потому что Райнхард, поддавшись азарту, тут же задал следующий вопрос, ударив по самому больному месту барона:

— И ещё... Накануне выезда в замок приезжали ломбардские менялы. Зачем ради этой святой миссии вам пришлось заложить лангедокским банкирам все ваши лучшие земли, виноградники и родовое имущество до последнего камня? Разве для того, чтобы просто оплатить наше железо, подковы и эти венецианские корабли, нужно отдавать свою землю лавочникам?

Лицо барона Гийома начало наливаться кровью. Он демонстративно отвернулся от оруженосца, а пальцы стали механически перебирать поводья. Но оруженосец, не замечая опасности, выдал финальный, самый сокрушительный аккорд, добравшись до сути папской индугенции:

— Если Папа Иннокентий гарантирует нам полное отпущение всех грехов в этом походе... означает ли это, господин барон, что в землях Египта мы можем безбоязненно забирать золото, коней и скот у местных жителей, не каюсь потом перед исповедником? Ведь греха на нас не будет?

Видимо вопрос Райнхарда обнажил шкурный, земной интерес барона, стыдливо прикрытый ширмой святости.

Барон Гийом на секунду потерял самообладание. Он натянул поводья, осаживая коня так резко, что иноходец всхрапнул. Рыцарь развернулся в седле, его рука потянулась к плети, а в глазах полыхнул огонь искреннего гнева.

— Ересь! — взревел де ла Тур, подаваясь вперёд. — Так рассуждает не воин Христов, а грязный портовый лавочник с Джудекки! Ты смеешь порочить обеты, щенок?! Я научу тебя смирению прямо в этой грязи...

— Полноте, сын мой, опустите руку, — раздался ровный, рафинированный голос клирика Бенедикта.

Монах оперативно вмешался в диалог, мягко перехватив запястье барона. На губах Бенедикта блуждала тонкая, едва заметная усмешка, в которой сквозила изощрённая схоластика и чистейший сарказм учёного мужа. Он посмотрел на Райнхарда холодными, умными глазами.

— Юноша ищет истину, барон, хоть и делает это с грацией дикого вепря. Позвольте, я растолкую ему догматы системы, которую он столь неосмотрительно пытается критиковать. Слушай меня внимательно, Райнхард.

Монах поправил капюшон рясы и продолжил, чеканя каждое слово:

— Залог земель твоего господина — это не убыток, как мыслит твой незрелый ум, а благородная инвестиция в сокровища Небесные, где ни ржа, ни воры не подтачивают баланс. Ты должен понимать: ломбардский банкир даёт серебро не из милости, а под залог, и если Господь дарует победу, долг будет погашен из военной добычи. А если нет... значит, воля Божья была иной, и барон примет свой крест смиренно.

Что же до изъятия золота и скота в землях сарацин... Ты называешь это грабежом, мальчик? Какое опасное скудоумие. Кара неверных и лишение их земного имущества — это не грех, а принудительное благочестие. Это высшая форма христианской любви ради спасения их же заблудших душ. Отрезая сарацина от его богатств, мы лишаем его соблазна греха гордыни. Мы очищаем пространство для истинной Веры. Понимаешь ли ты это теперь?

Гнев барона Гийома медленно утих под воздействием этой безупречной церковной логики. Он лишь тяжело, шумно выдохнул сквозь ноздри и отвернулся, посылая коня вперёд рысью.

Райнхард покорно опустил голову, подчиняясь авторитету наставника. Колонна шампанцев продолжала свой размеренный марш на юг. Но в глубине души шестнадцатилетнего оруженосца, прямо под набивным кожаным жилетом, остались глубокие, вязкие сомнения, которые не могла выжечь ни одна, даже самая изощрённая схоластика Латерана.

Солнце медленно клонилось к закату, окрашивая ряды щитов в медно-красный цвет. Впереди, за холмами, уже угадывались очертания укрепленного постоянного двора, где отряд должен был заночевать. Но прежде чем отряд свернёт с дороги, барон чуть замедлил шаг коня и, не глядя на Райнхарда, тихо произнёс:

— Ты задал неудобные вопросы, оруженосец. Это признак ума. Но помни: в походе ум — это не право задавать, а умение держать язык за зубами, когда вокруг чужие уши. И ещё: долг — это не бумага ломбардского менялы. Долг — это крест на груди и клятва, которую ты дал перед алтарём. Если ты её нарушишь, ни один монах не сможет тебя оправдать.

Райнхард кивнул, не поднимая глаз. В этот момент с обоза донёсся резкий лязг железа и чей-то хриплый окрик — один из возниц поскользнулся на мокрой глине, и тяжёлый сундук едва не рухнул на землю. Звук этот, грубый и буднично-суровый, словно вернул всех к простой, жестокой правде: впереди их ждали не святые идеалы, а пыль, железо и счёт, который рано или поздно придётся оплатить.

Часть 3. Ловушка лагуны

Августовское солнце над лагуной стояло белое, злое, выжигающее глаза. На бесплодной песчаной косе острова Лидо, зажатой между солёными болотами и Адриатическим морем, замерло в унижительном плену многотысячное воинство Христово. Здесь не было тени — лишь бесконечные ряды парусиновых шатров, просолённая насквозь швабская и французская шерсть, сохнувшие на косогорах попоны да удушливый, липкий смрад гниющей рыбы и нечистот. Вода в колодцах на песке отдавала солью и тухлятиной; от неё кони-дестриэ чернели зубами и начинали болеть.

Капкан, о котором Люциус де ла Дотта рассуждал в прохладной тишине Латерана, захлопнулся над пилигримами с железной, купеческой хладнокровностью.

Слепой дож Венеции Энрико Дандоло оставался непреклонен. Республика Святого Марка исполнила свою часть уговора: Арсенал два года строил и конопатил корабли, со степелей сошла невиданная армада, но бароны не смогли собрать серебро. Из необходимых восьмидесяти пяти тысяч марок в сундуках графов наскребли едва две трети. Налог, который Папа Иннокентий выжимал из тех, кто остался дома, осел в Риме, а упрямство бургундцев и провансальцев, ушедших в Египет через Марсель и Геную, окончательно разорило общую казну. Казна войска была пуста, и дож Дандоло перешёл к прямым, безжалостным условиям.

В душных, облицованных мрамором залах Палаццо Дукале, где пахло воском и дорогими пряностями восточного транзита, велись тягостные, полные скрытого отчаяния торги. Граф Бодуэн Фландрский и граф Людовик де Блуа сидели перед дожем, положив загорбелые ладони воинов на резные подлокотники кресел. Капитал диктовал свои условия мечу.

— Вы просите милосердия и уступок, господа, — ровным, пугающе тихим голосом произнёс Энрико Дандоло. Старик сидел прямо; его незрячие, подернутые белесой пеленой глаза смотрели куда-то поверх голов французских графов, но в осанке его чувствовалась ледяная сила Республики. — Доски и пенька не знают милосердия. Венецианские купцы остановили торговлю на два года ради вашего Египта. Плутники Джудекки не видели жён, конопатя ваши нефы. Кто вернёт Республике убытки? Кто заплатит матросам? Бог высоко, графы, а Арсенал требует серебра на земле.

— У нас нет денег, дож, — глухо выдохнул Бодуэн, и его железные наплечники со скрежетом сошлись на груди. — Мы отдали всё. Бароны сняли золотые цепи с жён, мы переплавили фамильную посуду Шампани. Мы заперты на этом проклятом песке, как пленные сарацины. Вы губите поход на Александрию.

Дандоло едва заметно усмехнулся тонкой полоской губ:

— Если до конца седмицы на Лидо не будет оставшейся трети суммы, я прикажу прекратить подвоз бочек с пресной водой и провианта с материка. Мои галеры заблокируют косу. Вы пришли сюда как воины Христовы, а сгниете здесь от жажды под собственными знамёнами. Священная армия вымрет посреди лагуны, и мне всё равно, что скажет ваш Рим. Либо серебро на стол, либо Лидо станет вашим кладбищем.

Дело сдвинулось с мёртвой точки, когда в лагуну, пропылённый и измотанный долгой дорогой из Германии, наконец прибыл вождь похода — маркиз Бонифаций Монферратский. Прожжённый политик Пьемонта сразу понял: меч проиграл эту партию капиталу ещё в тот день, когда французы подписали венецианские пергаменты.

Бонифаций потребовал личной встречи в резиденции дожа. Разговор шёл за закрытыми дверями. Маркиз тяжело опёрся на стол, глядя на невозмутимого старика:

— Ты не пойдёшь на это, Дандоло. Морить голодом армию креста перед фасадом Сан-Марко — это позор, который Венеция не смает ни одним торговым договором. Дай нам отсрочку. Мы добудем золото в Леванте и вернём всё до единого денария.

Слепой дож медленно повернул голову на звук голоса маркиза. Лицо его оставалось маской:

— Отсрочка стоит дорого, Бонифаций. Но Венеция умеет быть практичной. Я предложу тебе уговор. Республика простит вам недоимку прямо сейчас и даст кораблям поднять паруса. Но... по дороге в Египет ваша армия должна будет взять для нас христианский порт Зару в Далмации. Венгерский король Имре забрал его у Республики, и теперь ваши мечи вернут его обратно.

Бонифаций Монферратский долго молчал, слушая плеск волн за окном Палаццо. Выбора не было. Либо вечный позор и гибель армии на песке, либо этот страшный уговор.

— Я согласен, дож, — глухо произнёс маркиз. — Мы возьмём для вас Зару.

Той же ночью Бонифаций вернулся на Лидо. Когда маркиз объявил вождям и простым кнехтам условия сделки, по лагерю пилигримов пронёсся глухой, ошеломлённый ропот, переросший в яростные выкрики. Швабские сержанты и французские латники растерянно переглядывались, сжимая древки копий.

— А как же братья во Христе?! — орали из толпы шампанские воины. — Зара принадлежит венгерскому королю! Король Имре сам принял крест! Мы дали обет идти на неверных в Египет, а не грабить христианские порты на Адриатике! Это грех и святотатство!

В тесном парусиновом шатре шампанского отряда, где воздух был раскалён как в кузнице, барон Гийом де ла Тур, клирик Бенедикт и оруженосец Райнхард вели свой тяжёлый, вязкий разговор. Шестнадцатилетний Райнхард сидел на корточках, монотонно обстукивая заклёпки на обводе тяжёлого баронского щита. Его пальцы были черны от окалины и масла, но пытливый ум, привыкший искать скрытые изъяны в сочленениях железа, мгновенно нашёл изъян и в словах маркиза.

— Господин барон, — Райнхард поднял глаза на де ла Тура. Говор парня был прямым, лишённым придворной гибкости. — Если мы повернём нефы на Зару, то чьих покойников мы будем отпевать? Хорваты и венгры молятся тому же Богу. На их щитах такие же кресты, как у нас. Мы ведь шли на Александрию, разве нет? Как же братья во Христе?

Гийом де ла Тур резко повернулся, его лицо, густо покрытое красным венецианским загаром, дёрнулось от волнения. Барон со скрежетом швырнул подколенную пластину доспеха на сундук.

— Молчи, парень! Не твоего ума это дело! — зарычал Гийом, и в его голосе прорвалось чистое, глубокое отчаяние разорившегося феодала. — Мой замок в Шампани заложен лангедокским банкирам до последнего камня. Если этот флот не сдвинется с места, меня ждёт долговая тюрьма, а мой род — позор и нищета на паперти! У нас нет выбора, Райнхард! Дож зажал нас за горло на этом проклятом песке. Мы пойдём туда, куда плывут корабли, или сгнием здесь без глотка воды!

Клирик Бенедикт, сидевший в углу шатра на коленях перед деревянным распятием, бледный, с трясущимися губами, лихорадочно перебирал чётки. Он пытался спасти распадающийся, трещащий по швам мир своих идеалов и святых проповедей, подгоняя веру под страшную купеческую логику лагуны.

— Райнхард... мальчик мой, ты не понимаешь, — прерывисто зашептал Бенедикт, глядя в пространство сухими, воспалёнными глазами. — Заранцы... они ведь уклонились от воли Святого Престола, они восстали против законных пастырей и укрывают далматинских пиратов, что грабят паломников. Король венгерский удерживает город силой умысла, вопреки декретам. Меч латинян имеет право пройти по их шеям, ибо это не погром, но наведение порядка ради высшей цели! Мы очистим этот порт, вернём его Республике, и тогда Господь откроет нам дорогу на Каир. Это допустимая жертва... Да, допустимая!

Райнхард ничего не ответил. Он молча опустил голову и с силой вогнал тяжёлую железную заклёпку в растрескавшееся дерево щита. Первые, горькие вопросы о смысле этой «священной войны» легли на его сердце тяжелее любого доспеха.

Сделка была скреплена. В начале октября венецианская лагуна содрогнулась от грохота, какого эти воды не слышали никогда.

Грандиозная, но зловещая христианская армада пришла в движение. Под оглушительный, разрывающий лёгкие рев сотен медных боевых труб, под сухой, яростный треск огромных шёлковых знамён, заполнивших весь горизонт, триста тяжёлых нефов, галер и юсье начали выходить из проливов лагуны в открытое море.

Молодой Райнхард, впервые в жизни покинувший сушу, стоял на палубе качающегося на волне тяжёлого нефа. Его пальцы судорожно сжимали деревянный фальшборт, лицо обдавало солёными, холодными брызгами Адриатики, а в груди замерло дикое, детское, благоговейное восхищение. Весь мир вокруг него состоял теперь из трепещущих парусов, белой пены и сверкающего на солнце железа.

Прямо по курсу, разрезая пенные гребни, в авангарде шла огромная флагманская галера самого дожа Энрико Дандоло. Корабль слепца был великолепен и страшен: его борта были затянуты тяжёлым багряным шёлком Республики, на носу сверкала позолотой грозная голова льва Святого Марка, а на юте, окружённый вооружёнными стражниками, неподвижно стоял сам старик-дож, увлекая святых пилигримов навстречу их первому, неоплатному греху.

Часть 4. Кровавые кресты Зары

Ноябрьская Адриатика встретила армаду свинцовыми, маслянистыми волнами и пронизывающим, сырым холодом. Измотанная продолжительным голодом и жаждой на Лидо, латинская рать высаживалась на каменистое побережье Далмации, словно тёмная лавина, что катится по склону, не щадя ни травы, ни камней. Позади остались обеты, впереди лежал огромный, богатый Зара, обнесённый известняковыми стенами.

Высадка авангарда крестоносцев сразу захлебнулась в яростных, грязных стычках. Конные хорватские и венгерские защитники города лавиной налетали на прибрежную гальку, высекая искры из мокрых камней, кололи пиками и сбивали латинских рыцарей обратно в прибой, не давая закрепиться на берегу. Франкские кнехты, по колено в ледяной солёной воде, закрывались тяжёлыми ростовыми щитами от града стрел, летящих с башен. Но голод и железная воля венецианцев гнали пилигримов вперёд с беспощадностью обречённых. Рать закрепилась, обложив город тяжёлым стальным кольцом осадных лагерей.

В отчаянной попытке воззвать к милосердию осаждающих, жители Зары пошли на последний шаг. На рассвете перед генеральным штурмом защитники города вывесили на высокие стены огромные латинские кресты, распятия и расшитые золотом священные хоругви, умоляя единоверцев остановиться.

— Смотрите! — кричали воины в шампанских шеренгах, опуская копья. — У них такие же кресты! Они молятся тому же Богу!

Но рев венецианских труб заглушил ропот. По знаку дожа Дандоло осадные машины швырнули в башни первые глыбы, и начался ожесточённый, костедробительный штурм.

Шестнадцатилетний Райнхард в составе штурмового отряда барона де ла Тура взбирался по шаткой, склизкой от крови деревянной лестнице прямо под свист камней. Это было его настоящее крещение огнём и железом. Ворвавшись на стену вслед за хрипящим от ярости бароном, юноша прорубал себе дорогу сквозь узкие, тесные городские улочки и столкнулся с тем, к чему его не могла подготовить ни одна проповедь Шампани.

Забежав под своды величественного собора Святой Анастасии, Райнхард замер, опустив окровавленный меч. Прямо перед ним, у алтаря, латинские крестоносцы безжалостно рубили католиков — безоружных заранских горожан, женщин и стариков, которые в ужасе прижимали к груди распятия и молились на латыни. Шампанские рыцари с хохотом выламывали драгоценные серебряные оклады, срывали золотые чаши, крушили произведения искусства и топтали сапогами священные реликвии, заливая кровью храмовый мрамор. Город был взят, разграблен и растерзан ради покрытия долга перед Арсеналом.

Едва воинство поделило добычу а городские кварталы были очищены от следов штурма, в лагерь крестоносцев, разбитый среди каменистых пустошей Далмации, прибыли папские легаты. Они доставили буллу Папы Иннокентия III. Святой Престол предавал отлучению всю рать за пролитую христианскую кровь.

В шатре предводителей похода развернулся тяжёлый, исполненный скрытого отчаяния разговор. Бонифаций Монферратский, Бодуэн Фландрский и Людовик де Блуа сидели перед легатами, бледные и напряженные.

— Если простые кнехты и рыцари узнают, что Папа отлучил нас, рать мгновенно взбунтуется и распадётся! — глухо рычал Бодуэн, швыряя кубок на стол. — Швабы и французы побросают оружие, мы останемся в этой проклятой Далмации нищими и беззащитными! Поход на Египет будет похоронен навсегда!

— Буллу нужно скрыть, — ледяным тоном прервал его Бонифаций. — Сжечь пергамент. Простые воины не должны услышать ни слова об отлучении. Мы скажем им, что Святой Престол благословил нашу победу.

Клирик Бенедикт тайно вынес папский пергамент из шатра вождей, спрятав его в глубоких рукавах своей рясы. Сгорая от внутреннего ужаса перед содеянным, но пытаясь спасти остатки своего распадающегося мира, монах вернулся в лагерную палатку шампанцев. Он застал барона Гийома де ла Тура, который в панике мерил шагами земляной пол, судорожно крестясь.

— Мы прокляты, Бенедикт! Рим отлучил нас! — лихорадочно шептал барон, хватаясь за голову.

— Успокойтесь, сын мой, — тихо, со страшным, выжженным спокойствием произнёс Бенедикт, глядя в темноту. — Кровь этих заранских отступников лишь расчистила путь. Мы убрали препятствие, мы дали Республике её порт, и теперь корабли свободны. Это была необходимая жертва ради великого пути к Александрии. Бог поймёт нас, когда мы освободим Гроб Господень.

Однако затянувшаяся балканская зима принесла отрезвление. С Адриатики налетела ледяная бора, вымораживая палатки насквозь и покрывая доспехи коркой льда. Рать с ужасом осознала, что погром Зары их не спас: добычи в городе оказалось ничтожно мало, долг перед Венецией — восемьдесят пять тысяч марок — по-прежнему не был закрыт, возвращаться в Европу нищими, опозоренными и отлучёнными от Церкви было нельзя, а венецианские корабли по-прежнему стояли на приколе в замерзающей гавани и не плыли в Египет. Вся затея Четвёртого крестового похода зашла в глухой тупик.

В промёрзшей, чадающей лагерной палатке шампанцев Гийом де ла Тур, клирик Бенедикт и оруженосец Райнхард сидели вокруг медного таза с углями, кутаясь в дорожные плащи. Райнхард монотонно чистил помятый на стенах наплечник барона. Юноша долго молчал, слушая, как ледяной ветер треплет парусину, но наконец поднял глаза — сухие, лишённые прежнего детского блеска.

— Как же так, господин барон? — искренне, с глубокой горечью спросил Райнхард. — Мы заложили фамильные земли Шампани, продали последнее имущество и железо, приехали бить сарацин за морем ради спасения душ. Нас направили взять христианский город, мы рубили людей, которые молились на латыни у алтарей, — и выходит, мы все еще должны венецианцам? Добычи нет, корабли стоят. Куда нас направят дальше, господин барон? Разве так мыслился поход к Гробу Господню?

Гийом де ла Тур дёрнулся, его лицо исказилось от бессилия и волнения. Барон пытался спорить, подбирая рыцарские оправдания, но, зажатый в тиски собственной нищеты, долгов и страха перед анафемой, лишь начал терять самообладание.

— Молчать! — взревел Гийом, пиная ногой медный таз так, что угли посыпались на землю. — Ты ни в чём не смыслишь, мальчишка! Ты будешь делать то, что прикажет маркиз Бонифаций, и пойдёшь туда, куда развернут носы венецианские нефы! Или ты хочешь подохнуть от голода на этих скалах?!

Клирик Бенедикт медленно протянул дрожащие руки к угасающим углям, стараясь не смотреть оруженосцу в глаза, и глухо произнёс, пытаясь обосновать кошмар с позиции веры:

— Пути Господни неисповедимы, Райнхард... Заранцы поплатились за свои грехи перед Римом. Нам предстоит пройти сквозь эту тьму, чтобы очиститься. Терпи и молись. Господь всё управит.

Палатка погрузилась в тяжёлое, ледяное молчание. За холмами глухо роптало тридцатитысячное голодное воинство, запертое во льдах Далмации, а из серой штормовой мглы Адриатики к причалам Зары в эту самую минуту уже подходили три галеры Пьетро Паскуале, несущие на борту новую, неотвратимую волю Республики.

Часть 5. Немецкий транзит

Слухи о том, что крестоносное воинство вместо Египта с ходу штурмовало и разграбило христианскую Зару, достигли Германии в начале декабря. Швабский двор Гогенштауфенов лихорадочно бурлил. Филипп, король Германии, сидел в глубоком кресле перед пылающим камином и брезгливо швырнул на стол донесение своих лазутчиков.

— Они увязли в долгах у дожа Дандоло, — сухо произнёс Филипп, глядя на стоявшего перед ним графа Вольфганга. — Дождь запер их на песке Лидо, пока бароны не согласились пролить кровь венгерских подданных в Далмации. Церковь отлучила армию, но они остались зимовать в Заре. Им нужно золото. Огромное количество золота, чтобы закрыть долг перед Арсеналом.

Сидевший в тени царевич Алексей IV Ангел испуганно подался вперёд, кутаясь в тёплый шерстяной плащ с чужого плеча. Его коротко обрубленные под латынянина волосы едва успели отрасли.

— Значит... пора? — хрипло спросил принц ромеев. — Вы обещали мне войско, кузен! Бароны выслушают меня теперь?

Филипп Швабский окинул племянника ледяным, расчётливым взглядом:

— Бароны выслушают любого, кто пообещает закрыть их недоимки перед Арсеналом. Твои обещания — единственный козырь, способный спасти их поход от позора. Маркиз Бонифаций Монферратский ждёт тебя в Заре. Но доставить тебя туда нужно тайно и быстро, пока ищейки твоего дяди-узурпатора или наёмники Ватикана не схватят тебя на тракте.

Король Германии лично утвердил состав и руководство миссии, не желая рисковать крупными силами гвардии в разгар собственной гражданской войны. Во главе военно-дипломатического посольства встал сам граф Вольфганг — как официальный представитель короны Гогенштауфенов, везущий рекомендательные письма и суверенные гарантии. Силовое же прикрытие и тактическое командование отрядом Филипп доверил капитану Ульриху фон Лёвенштайну — прожённому ветерану итальянских кампаний, безземельному рыцарю-министерялу, привыкшему решать грязные задачи железом. Под его начало выделили тридцать тяжёлых швабских рыцарей на свежих дестриэ и около десятка лёгких конных разведчиков. Для логистики выделили десяток тяжёлых повозок, гружённых припасами, овсом и сундуками графа.

Путь до венецианских галер, ожидавших отряд в условленном глухом порту на итальянском побережье Адриатики, превратился в сплошной логистический ад. Константинополь, почуяв смертельную угрозу, мгновенно активизировал всю свою шпионскую сеть на Балканах и в Европе. Золото узурпатора Алексея III потекло рекой, скупая информацию на постоянных дворах и перевалах. Одновременно с этим Ватикан, взбешённый погромом Зары, задействовал свои рычаги: Папа Иннокентий III спешно нанял отряды наёмной гвельфской конницы, которые теперь плотно рыскали по всей Северной Италии, перекрывая дороги к морю. Римские легаты и греческие соглядатаи действовали сообща, отслеживая любые перемещения немецких курьеров.

Зима накрыла Альпы и Ломбардию ледяной коркой. Колонна продвигалась медленно, со скоростью воловьих упряжек, тащивших тяжёлые телеги по обледенелым валунам. Лошади скользили и ломали ноги, швабские погонщики в кровь сбивали пальцы о мёрзлые звенья цепей, вытягивая фургоны из глиняной жижи. Северная Италия буквально кишела вражескими патрулями, искавшими беглого принца. Папа категорически запретил помогать царевичу, и наёмники Ватикана выставили жёсткие заслоны на главных дорогах. Отряду Ульриха приходилось обходить крупные замки и торговые пути стороной, двигаться глухими пастушьими тропами по ночам без огней сквозь сырые, затянутые туманом дефиле, теряя людей

от обморожений и ежеминутно ожидая удара в спину от рыскавших по Ломбардии папских конников.

Папская конница настигла отряд почти в самом конце тяжёлого пути. Когда до спасительного побережья и венецианских кораблей оставалось всего несколько лиг, отряд спускался к морю по тракту, проложенному по дну высохшей реки. Этот старый римский тракт, петля карстовым коридором, тянулся среди холмов и выходил прямо к морю, где в серой предрасветной дымке их ждали три галеры дожа Дандоло. Дозорные Ульриха с холма увидели идущий за ними отряд: лёгкие, манёвренные гвельфы шли по их следам, их было чуть меньше сотни. У швабов не оставалось выбора кроме как принять бой, времени для манёвра не оставалось.

Там, где каменистое русло балки круто выгибалось перед выходом на побережье Адриатики, швабов встречал отряд венецианцев, под командованием Пьетро Паскуале. Он устроил на скалистом мысу временный штаб — отсюда открывался безупречный обзор на лагуну с качающимися на волнах венецианскими кораблями и на зев дорожного ущелья. Жители лагуны высадились с галер и контролировали подходы к месту посадки. Пьетро был сух, подтянут, в сером франкском кафтане поверх кольчуги мелкого дамасского плетения. В его внешности не было грубой рыцарской угловатости — он казался скорее цеховым мастером или нотариусом лагуны, но жёсткие, просоленные мозоли на длинных пальцах и ледяной, неподвижный взгляд выдавали в нём смертельно опасного противника, привыкшего подчинять хаос войны сухому расчёту. Вокруг мыса он уже расставил глухие конные дозоры из числа своих матросов.

На рассвете венецианец сам отправился проверять дальний секрет, скрытый в каменистой лощине в половине лиги вглубь материка. Туман стоял густой, сырой, пахнувший можжевельником и солью. Именно там Пьетро и встретил колонну Алексея.

Медленный швабский обоз шёл скверно. Десяток тяжёлых повозок, запряжённых неповоротливыми, хрипящими волами, едва тащились по разбитому сланцу. Тяжёлое железо, припасы и сундуки намертво лишали отряд мобильности. Царевич Алексей IV Ангел, синий от холода, безвольно горбился в седле своего мерина, едва удерживая повод онемевшими пальцами.

А за ними, на расстоянии менее лиги на север, тучей шла погоня. Быстрый, летучий отряд лёгкой папской конницы — те самые нанятые Ватиканом гвельфы в лёгких тосканских шлемах и набивных кожаных куртках, что рыскали по Ломбардии и всё-таки сели швабскому отряду на хвост. Было ясно: швабы не успевают дойти до берега. На просторе пустоши лёгкие всадники просто окружают и закидают их дротиками.

Пьетро Паскуале, пришпорив коня, поравнялся с тяжёлой повозкой графа. Опустив руку на кожаный борт, он быстро, ледяным тоном изложил ему тактический расклад: у кромки воды их вырежут, но выход из балки — идеальный капкан, и его матросы с тяжёлыми судовыми самострелами уже заняли каменистые террасы холмов.

Граф Вольфганг, чьё лицо за три недели марша через Альпы покрылось серой швабской пылью, неожиданно для всех рванул поводья своего иноходца вперёд, перехватывая инициативу. Страх уступил место фамильной гордости Гогенштауфенов. Он подскакал к командиру своей гвардии.

— Ульрих, стоять! — зычно, перекрывая скрежет колёс, крикнул граф. — Слушай меня. Погоня настигает, до моря не дойти. Забирай тридцать рыцарей на свежих дестриэ и уводи их вон в тот овраг у тракта. Спрячетесь в каменистой тени. Лошадям завязать морды попонами, сидеть беззвучно. Как только эти гвельфские псы пронесутся мимо — садись им на хвост. Мы запрём их в лощине.

Капитан Ульрих фон Лёвенштайн, чьё суровое лицо со шрамом было тёмным от копоти, коротко и жёстко кивнул. Он всё понял без лишних слов.

— А вы, господин граф? — хрипло спросил капитан.

— Я сам поведу обоз к выходу из балки и заблокирую дорогу, — граф Вольфганг развернул коня к погонщикам. — Живо гоните волов вперёд! Наваливайся! Сделаем им наковальню.

Колонна рванула вперёд. Волы, подгоняемые уколами рогатин, пошли быстрее, втягиваясь в горловину балки. У самого выхода на побережье граф Вольфганг лично руководил строительством баррикады: тяжёлые дубовые телеги скрежетали колёсами, разворачиваясь углом поперёк колеи, с хрустом падали заранее подсечённые матросами Пьетро стволы, образуя глухой, непроходимый бруствер. За возами выстраивались сержанты с алебардами, прикрывая щитами позиции сорока венецианских морских пехотинцев, засевших выше, на каменистых террасах холмов. Евнух укрыл испуганного царевича Алексея в самом безопасном углу обоза.

Ульриху добрался до оврага. Тридцать тяжёлых швабских рыцарей беззвучно завели своих огромных жеребцов в тенистую расселину, положив ладони на эфесы мечей и замерли, превратившись в слух.

Папская погоня летела по балке на полной скорости. Гвельфы шли без разведки, ослеплённые азартом — они видели, что до моря осталось поллиги, цель близка, и добыча не уйдет. Командир наёмников гнал лавину вперёд, высекая копытами сухие искры из сланца. Они пронесли мимо скрытого оврага, даже не повернув голов в железных шапках, и скрылись за крутым поворотом тракта, втягиваясь в ловушку.

Как только последний папский всадник исчез за скалой, Ульрих опустил тяжёлое забрало топфхелма, сузив мир до узкой смотровой щели.

— По коням, — глухо приказал он из-под стали.

Тридцать дестриэ выбрались из оврага и встали на тракт. Теперь швабы никуда не торопились. Они сели погоне на хвост, заперев их в каменном коридоре балки, и пошли ровной, тяжёлой рысью строго по следам своих преследователей.

А впереди, у завала, уже начался грохот битвы. Папский клин с размаху влетел за поворот и наткнулся на стену из телег и деревьев. Кони с костяным хрустом ломали ноги в переплетении острых сучьев, пятились, давя собственных всадников. Гвельфы увязли, потеряв всю инерцию. И в эту секунду Пьетро Паскуале на холме резко опустил портовый тесак.

— Спускай!

Сорок стальных дуг судовых самострелов выстрелили одновременно. Тяжёлые четырёхгранные болты, выпущенные косым залпом с уступов, ударили гвельфам точно во фланги и незащищённые кольчугой спины. Стальные наконечники пробивали миланские кольчуги и коней, как промасленный пергамент. Лощина наполнилась диким конским визгом, руганью и грохотом железа. Враг закрутился на месте, зажатый перед швабской наковальней.

И тут сзади раздался нарастающий гул, от которого задрожали известняковые стены ущелья. Дистанция дала швабам идеальный простор для разгона.

— В галоп! — рывкнул Ульрих, перекрывая грохот копыт. — Копья наизготовку! Держать строй!

— За Швабию! — глухо взревел Ульрих. — За Швабию и честь Гогенштауфенов!

Его рык подхватило тридцать лужёных глоток, слившись в единый низкий раскат, похожий на удар тарана о крепостные ворота.

Конный таран на полной скорости ударил гвельфам точно в затылок. Бабах! — с диким сухим треском лопнули ясеновые копья швабов. Это была чистая, беспощадная физика разогнанной массы. Потерявших ход, расстреливаемых венецианцами с холма и зажатых среди телег наёмников сминало, как сухую солому. Рыцарей вышибало из сёдел пушечными ядрами. Люди летели лицом на острые камни, и тяжёлые подкованные копыта дестриэ тут же втапывали их в грязь, ломая рёбра и превращая кольчужные кольца в сплющенное месиво.

Бой смолк через пятнадцать минут так же резко, как и начался. Балка превратилась в дымящуюся пурпурную бойню. Капитан Ульрих тяжело сполз с седла своего жеребца, его левое бедро было распорото багром, но он даже не поморщился. Он снял шлем, открывая серое от

пота и копотил лицо со шрамом, сплюнул кровь под ноги и хмуро посмотрел на Пьетро, который спускался к нему по камням террасы, на ходу спокойно стягивая с пальцев кожаные перчатки.

Швабы потеряли двоих рыцарей — молодых братьев фон Альтен, которых затоптали в тесноте у телег. Оруженосцы уже хладнокровно добивали покалеченных лошадей кинжалами. Пьетро молча перезарядил свой арбалет и отдавал команду на снятие лагеря.

— Дьявольский капкан, венецианец, — хрипло выдохнул капитан, опираясь на широкий окровавленный меч. — Мой клин вошёл в их тыл как нож в масло. Ты ведь понимаешь, что мы сейчас пустили кровь слугам самого Папы Римского? Если в Риме узнают, что люди маркиза Бонифация и стрелки дожа вырезали папский заслон, Иннокентий проклянет наш поход ещё до того, как мы поднимем паруса.

Пьетро Паскуале спокойно убрал перчатки за пояс и ответил своим ровным, пугающе тихим голосом:

— Папа далеко, капитан, а мои галеры — в половине лиги отсюда. Мой господин, дож Дандоло, платит мне за то, чтобы этот греческий принц прибыл в Зара живым. А Папа... Папа простит нам этот грех, когда мы вернём ему византийскую церковь под начало Рима. Всё имеет свою цену, Ульрих. И эту цену Венеция уже посчитала.

Из-за щитов кнехтов, весь в дорожной грязи, выбрался царевич Алексей IV Ангел. Его колотила крупная дрожь. Порфирородный принц Ромеев впервые понял, как на этом диком Западе делаются дела: не золотыми речами, а вот такими расчётливыми и смертельно опасными господами в серых кафтанах, которые превращают ландшафт, старые телеги и чужие тактические ошибки в безупречные машины для изменения истории.

— Времени нет, — Пьетро даже не взглянул на принца, закидывая арбалет за плечо. — Снимите кольчуги с мёртвых легатов и забирайте все ценное. Галеры уже спустили баркасы.

Погрузка на плоскодонные баркасы шла в лихорадочной спешке под хлесткими ударами ледяной балканской боры. Каменистый берег Адриатики замерзал на глазах. Раненых швабских кнехтов втаскивали на настилы баркасов вручную, под глухие проклятия немецких рыцарей и яростные окрики венецианских надсмотрщиков. Царевича Алексея, безвольного и онемевшего от пережитого ужаса, Пьетро Паскуале лично швырнул на корму командирского баркаса, укрыв грубым просмолённым брезентом.

Через час три военные галеры дожа Дандоло снялись с якоря и вышли в открытое море. Ульрих с конным отрядом провожал их с берега долгим взглядом, он выполнил свой долг.

Морской переход до Зары превратился в затяжную, изнурительную битву со штормовой зимней Адриатикой. Корабли тяжело кренились на пенных гребнях волн, обшивка трещала, а палубы заливало ледяной солёной водой. Венецианские гребцы выбивались из сил, удерживая ход кораблей против встречного шторма. Пьетро Паскуале почти не покидал юта, его серый кафтан насквозь промок и покрылся ледяной коркой, но он упрямо вёл маленькую эскадру сквозь пронизывающий туман, выверяя.

Алексей IV Ангел всё это время провёл на полу в капитанской каюте, забившись в угол и вздрагивая при каждом сильном ударе волны о борт, окончательно осознав, что его судьба теперь целиком зависит от воли Республики.

В конце января, когда ледяной туман над Далмацией ненадолго рассеялся, впереди наконец выросли циклопические, серые стены осаждённой Зары. Город, сожжённый и разграбленный латинянами, стоял мрачным, закопчённым монументом. На береговой линии чернели остовы сожжённых хорватских лодок, а на причалах сустились латники крестоносного войска.

Галера «Левиафан» мягко ткнулась бортом в дубовые сваи центрального пирса.

Передача царевича Алексея состоялась на палубе, без лишней торжественности, в окружении венецианских арбалетчиков и личной гвардии вождей похода. Лидер крестоносцев, маркиз Бонифаций Монферратский, стоял чуть впереди остальных, прямой и неподвижный, словно высеченный из серого камня. На его наплечнике тускло поблёскивал золотой лев Мон-

фerratо — единственное украшение, не считая тяжёлого меча с рукоятью, обмотанной потёртой кожей.

Он не протянул руки навстречу Алексею, не склонил головы в приветствии. Лишь едва заметно кивнул, будто подтверждая: да, этот юноша — тот самый ключ, который должен отпереть ворота Константинополя.

Часть 6. Падение василевса

Июльское солнце раскалило воды Золотого Рога до расплавленной бронзы, и море казалось тяжёлым, неподвижным, будто застывшим от зноя. Невиданная латинская армада, ведомая флагманской багряной галерой дожа Дандоло, с тяжёлым хрустом прорвала вековую железную цепь, преграждавшую вход в гавань, и подошла к массивным морским стенам Константинополя. С палуб крестоносных нефов величайший мегаполис Ойкумены казался исполином, высеченным из мрамора, золота и порфира.

Когда пилигримы выстроили свои корабли в боевой порядок и показали стоявшего на юте законного наследника престола, царевича Алексея, византийский узурпатор Алексей III Ангел понял, что игра проиграна. Устрашённый видом железных латинских шеренг и предательством собственной знати, он не стал созывать совет. Под покровом ночи он тайно покинул дворец, переодевшись в плащ простого стражника, и бежал из города, оставив столицу на произвол судьбы.

Крестоносцы с триумфом вошли в Константинополь сквозь распахнутые северные ворота. Влахернский дворец тонул в византийском славословии; под рёв латинских труб пилигримы возвели на престол ромеев своего главного должника — царевича, ныне соимператора Алексея IV Ангела.

Однако ставленник латинян быстро осознал, что оказался в ловушке. Не успели остыть приветственные факелы, как лидеры похода — маркиз Бонифаций Монферратский и граф Бодуэн Фландрский — явились в тронный зал, гремя шпорами по мраморным плитам, и потребовали немедленной уплаты обещанных по договору двухсот тысяч венецианских марок: суммы, которой хватило бы на содержание всей армии в течение двух лет.

Алексей IV в панике обнаружил, что великая византийская казна пуста: беглый дядя выгреб из подвалов всё до последнего золотого денария, а провинции империи наотрез отказались платить налоги латинскому ставленнику.

Пытаясь наскрести золото для прожорливой латинской армии, молодой василевс пошёл на святотатство. По его приказу кнехты начали сдирать драгоценные оклады с икон, плавить древние церковные сосуды и вводить грабительские, удушающие пошлыны. Это вызвало глухую ярость и презрение со стороны греческого населения. Стены города дышали ненавистью к порфирородному правителю, которого считали предателем, продавшим веру ради латинского меча.

Среди крестоносцев, стоявших лагерем у Галаты, росло глухое, злое недовольство. Обещанных восточных богатств они не видели, провиант, подвозимый венецианцами, был на исходе, и огромная армия начала голодать в чужом, враждебном городе. Молодой оруженосец Райнхард, прохаживаясь по замусоренным рынкам подле ипподрома, с горечью наблюдал, как их «священная миссия» окончательно превратилась в банальное, позорное вымогательство.

Измученный неопределённостью, барон Гийом де ла Тур в один из вечеров резко зажал клирика Бенедикта в углу заброшенной галереи, требуя объяснений, почему их «богоугодный» переворот принёс лишь голод и разруху. На что монах, перебирая чётки сухими тонкими пальцами, сухо и равнодушно заметил:

— Эти восточные еретики должны пострадать ради очищения их финансов, барон. Их гордыня ломается через бедность, таков замысел.

Вскоре чаша терпения переполнилась. В Константинополе вспыхнул стихийный, кровавый бунт. Разъярённое греческое население ворвалось во дворец. Алексея IV схватили в его собственных покоях, где ещё пахло воском от праздничных свечей, и задушили в тёмных коридорах подземелья. Был провозглашён новый, ярый антилатинский император. Все прежние обещания и контракты были аннулированы в одну ночь, казна намертво заперта, а крестоносцы

и венецианцы остались у стен восставшего колосса без единого гроша за душой. Замкнутый круг долга, голода и ярости подвёл латинское воинство к единственному оставшемуся выходу — тотальному, беспощадному штурму великого города.

Весна 1204 года принесла Константинополю огненный ад. Озлобленная двухлетним обманом, непрекращающимся голодом и унижительным безденежьем, армия крестоносцев пошла на штурм, превратившийся в беспощадную зачистку многовековой цивилизации.

Барон Гийом де ла Тур вместе с Райнхардом в первых рядах ворвались на каменные стены. Юноша карабкался по штурмовым мостам венецианских галер под скрежет железа и свист греческого огня. Оказавшись на узких улицах тонущего в панике мегаполиса, Райнхард пролил христианскую кровь не в честном бою, а рубя без разбора испуганных защитников. Ломая двери богатых домов, он участвовал в безумных, диких грабежах. Весь его внутренний мир, выстроенный на сказках о благородных рыцарях и святых обетах, рушился и тонул в багровой каше человеческих ошмётков.

Величайший, доселе неприступный мегаполис и культурный центр Ойкумены пал. Город погрузился в дым и копоть грандиозных пожарищ. Рыцари Христовы учинили в нём беспрецедентное по своей жестокости разграбление. Латиняне с хохотом осквернили собор Святой Софии: они пустили блудниц петь срамные песни на патриаршем престоле, выламывали топорами драгоценные серебряные оклады соборов, разбивали вековые мраморные изваяния, растаскивали величайшие святыни христианства и делили горы византийского золота прямо на залитых кровью площадях. На руинах павшей империи вожди провозгласили новое государство — Латинскую империю, а Бодуэн Фландрский примерил золотую корону василевса.

Эпилог. Торжество хаоса

Где-то на руинах растерзанного города, среди обугленных колонн и тлеющих обломков порфира, трещал сиротливый походный костёр. У огня, кутаясь в потемневшие от гари плащи, сидели трое шампанцев.

Барон Гийом де ла Тур ошеломлённо смотрел в пламя, механически потирая тяжёлые наплечники, покрытые запёкшейся кровью. Рядом шестнадцатилетний Райнхард монотонно переворачивал угли длинным железным шкворнем. Взгляд его был сухим и пустым. Подле его ног стоял тяжёлый кожаный баул, туго набитый золотой ромейской утварью, византийскими номисмами и драгоценными камнями. Райнхард стыдливо помалкивал, отчётливо понимая: за эти три безумных дня погрома он поправил свои дела так, как никогда до этого не поправляли ни он, ни его предки — и вряд ли когда-нибудь поправят его потомки. Семейная нищета была стёрта, но цена этой сытости жгла душу сильнее калёного железа.

— Как же так, господин барон? — не поднимая глаз, негромко спросил Райнхард, и его ровный голос разрезал треск углей. — Мы ведь покидали Шампань с крестами на груди. Мы шли спасать Гроб Господень за морем, а вместо этого разграбили и сожгли Константинополь.

Гийом де ла Тур лишь ниже опустил голову, не найдя в себе сил вымолвить ни слова оправдания.

Но клирик Бенедикт, напротив, сохранял абсолютный, зловещий рассудок. С ледяным спокойствием он методично укладывал в деревянный ящик, проложенный сухой соломой, бесценные византийские реликвии и ковчеги с мощами для отправки на Запад. Услышав вопрос оруженосца, монах подвёл под случившуюся катастрофу финальную схоластическую черту:

— Империя ромеев была горда, спесива и расколота. Её падение — это не наш грех, а праведный и закономерный суд Божий, очищающий земное пространство для истинной, неделимой Вертикали Латерана.

Райнхард швырнул шкворень в костёр, поднялся во весь рост и, глядя на багровое зарево над куполом Святой Софии, горько изрёк:

— Нас всех сюда привело лишь то, что мы были постоянно кому-то должны: святой церкви, дожу...

В личной канцелярии камерария Апостольской Палаты, где по-прежнему царила прохладная, звенящая тишина, Люциус де ла Дотта изучал первые отчёты из павшего Константинополя — ещё пахнувшие солью и сургучом. На первый взгляд, его хитрый, многоходовый план сработал безупречно. Патриаршая казна ломилась от золота, долги венецианским купцам были полностью закрыты, а восточные раскольники силой латинских мечей принудительно подчинены Римскому престолу. Люциус праздновал чистую тактическую победу, полагая, что заложил нерушимый фундамент единой мировой финансовой системы.

Однако широкая макропанорама финала обнажала глубокую, смертельную трещину в его «невидимом балансе». Камерарий не осознавал, что запустил разрушительные негативные обратные связи. Разрушив Византию, он навсегда сломал систему династических браков Европы, полностью уничтожил легитимный баланс сил и ликвидировал единственный геополитический щит, который веками сдерживал страшные угрозы с Востока.

Дверь канцелярии беззвучно отворилась. В комнату вошёл Бруно де ла Фонте, сбрасывая с плеч запylённый плащ курьера. Он подошёл к столу Люциуса, внимательно наблюдая за тем, как камерарий аккуратно выводит на пергаменте итоговые цифры прибыли.

— Вы довольны балансом, господин камерарий? — тихо спросил Бруно.

— Всё сошлось с точностью до денария, — не поднимая глаз, ответил Люциус.

Нотариус-скриниарий помедлил, а затем задал вопрос, который мучил его с самого начала похода:

— Господин... а что всё-таки было в том тайном письме, которое вы приказали мне срочно доставить дожу Дандоло в Венецию? Вы ведь предупреждали его о финансовом разрыве? О том, что провансальцы и бургундцы изменят маршрут, не придут в лагуну и бароны не смогут оплатить фрахт флота?

Люциус де ла Дотта замер. А затем в прохладной тишине Латерана раздался его тихий, сухой, но искренний смех. Камерарий откинулся на спинку кресла, глядя на лазутчика.

— Предупреждал? О нет, Бруно. Старый слепой дож закрыл этот финансовый разрыв за счёт самого Египта. Египетский султан настолько испугался известий о великом латинском флоте, что тайно прислал в Венецию послов и откупился от Дандоло колоссальной суммой золота — лишь бы крестоносцы не плыли в Александрию. Дожд получил своё серебро ещё до того, как флот отчалил от Лидо.

Бруно ошеломлённо приподнял брови:

— Но если контракт был оплачен султаном... Зачем Дандоло морил рыцарей голодом и требовал Зару?

Люциус снова усмехнулся, и его глаза блеснули ледяным блеском истинного кукловода:

— Потому что изначально так и планировалось, Бруно. Нам нужно было завесить стоимость этого проекта вдвое. Нам нужно было искусственно загнать рыцарей Шампани и Швабии в такую долговую яму, из которой у них не будет выхода. Только так можно было получить послушную, отчаявшуюся армию, готовую на любой грех ради копейки. Капитал должен был подчинить себе Меч.

— А царевич Алексей? — Бруно нахмурился. — Немецкий король Филипп сам прислал его в Далмацию, думая, что ведёт свою игру.

— Немецкий король прислал его от безысходности, понимая, что иначе его швабский отряд останется не у дел в этой делёжке. Но сам Алексей IV был негодным, пустым активом. У него не было ни ума, ни реальной казны. Он был нужен нам лишь как живой таран, как легитимный ключ от ворот Константинополя. И мы этот ключ получили. Город открылся, ересь растоптана, золото в Риме.

Люциус де ла Дотта снова обмакнул перо в чернила и поставил жирную, финальную точку на полях манифеста.

В то время как в Латеране фиксировали прибыль, на юге Италии, в Сицилии, уже начинал подрастать юный Фридрих II Гогенштауфен — будущий яростный богоборец и главный враг папской системы. А на самых дальних, невидимых рубежах Ойкумены, из Великой Степи уже начинала подниматься едва заметная пока, но смертоносная, всепоглощающая монгольская пыль.

Продолжение следует...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.